

ся лучшим гарантом общественного благополучия. Такое противопоставление *справедливости* — *милости* отражает новое проникающее в Россию учение об обществе, в котором прежняя традиционалистская диада *суда* и *милости* разрушена и заменена презумпцией *закона* над произволом и над *милостью* как его частностью.

Через год после приведенного замечания Львова, оставшегося на полях рукописи Державина, Н. М. Карамзин, не хуже Львова разбиравшийся в новейших учениях, призвал императрицу Екатерину II, между тем, не к *справедливости*, а к *милости*. Послуживший поводом для известной оды арест Новикова был произволом, отменить который могло бы следование *закону* (правосудию) или проявленная монархом «правота» (*справедливость*), но Карамзин взывает к *милости*. Оказалось, что в обществе, где за монархом остается последнее слово, не *справедливость*, а *милость*, основанная на человеколюбии, способна смягчить участь страдальца. По всей видимости, Карамзиным при написании оды руководило не рациональное понимание общественного блага, а горячее желание спасти Новикова, чувство любви к нему. Тем самым Карамзин, представитель новой эпохи, продолжил давнюю и еще живую традицию русской поэзии и мысли. Но вместе с тем заступничество Карамзина за Новикова наметило новое предна-